

В. СОКОЛОВ. НА ПУШКИНСКОЙ ОРБИТЕ

«Усердный мой поклон»

«...Где ты достал краски для ногтей? Снажи Нащонину, чтоб он непременно был жив, во-первых, потому что он мне должен; 2) потому, что я надеюсь быть ему должен; 3) что если он умрет, не с кем мне будет в Москве мовить слова живого, то есть умного и дружеского».

ОГЛАСИТЕСЬ: и «ты», и доверительно-шутливый тон приведенных строк из письма Пушкина Алексею Николаевичу Верстовскому, посланного в ноябре 1830 года из Болдина в холерную Москву, и особенно острота под занавес послания, столь соленая, что автор счел нужным прибегнуть к латыни, — все это достаточно убедительно свидетельствует о душевной близости поэта и композитора.

А начало их дружества было положено еще до ссылки Александра Пушкина, подтверждение чему мы находим в его письме князю Вяземскому из Одессы от апреля 1824 года, где есть такая фраза: «Кюхельбекеру, Матюшкину, Верстовскому усердный мой поклон, буду немедленно им отвечать». Уже одно то, что фамилия Алексея Николаевича стоит в одном ряду с фамилиями закадычных друзей Пушкина, весьма красноречиво.

Александр Сергеевич в своих знакомствах был разборчив, дружил с людьми незаурядными, образованными, умными, интересными. И в своем одногодке он, вероятно, с первых встреч угадал талантливого человека. А талант у Алексея прорезался рано, что не очень-то удивляет: он родился в музыкальной семье тамбовского помещика Николая Алексеевича Верстовского. В его имени Селиверстова музицирование было в чести. Здесь существовал и оркестр, в котором играли крепостные. Так что уже в восемь лет Алеша впервые выступил в любительском концерте. Продолжал он занятия музыкой и в Петербурге, куда тринадцатилетнего Верстовского привезли для продолжения образования (он поступил в Институт корпуса путей сообщения). Первой его композиторской пробой, и весьма удачной, была музыка к водевилю «Бабушкины попугаи». Затем он «озвучивал» «Новую шалость», «Дом сумасшедших», «Кто брат, кто сестра» (последний водевиль он создавал на либретто Грибоедова и Вяземского).

В 1823 году Верстовский переехал в «Белокаменную», с которой связал почти сорок лет жизни. В том же году произошло другое важное событие — он положил на музыку «Черную шаль», открывшую целый цикл баллад, романсов и песен на слова Пушкина. Вы их не могли не слышать: «Гишпанская песня» («Ночной зефир»), «Песнь Девы» на текст из «Руслана и Людмилы», «Два ворона», «Казак» («Кто при звездах и при луне так поздно едет на коне»), «Певец», «Цыганская песня» («Старый муж, грозный муж»), «Муза».

Попробуем встать на место Пушкина. Ну, что можно сказать? Конечно, любопытно послушать, как звучат твои стихи, ставшие песней. И приятно, если музыка хороша. Вполне возможно, поэт сам был инициатором подобного сотрудничества. Во всяком случае в мае 1829-го Верстовский писал Шевыреву:

«Пушкин ко мне пристал, чтобы я написал музыку Казака из Полтавы — посылаю его к Вам. Мысль пришла недурная выразить галопом всю музыку».

А четыремя годами раньше, посылая из Михайловского Вяземскому ноты («дикий напев подлинника») молдавской песни, которая в переработанном виде была использована в «Цыганах», просил передать их Верстовскому.

Вполне логичным можно считать обращение Алексея Николаевича к опере: его подготовила к этому работа над водевилями, кантатами, балладами и романсами. 24 мая 1828 года в Москве состоялась премьера «Пана Твардовского», либретто для которого написал автор исторических романов Михаил Николаевич Загоскин.

Публикой «Твардовский» был встречен очень тепло, его называли «первой русской оперой». За ней последовали «Вадим», «Аскольдова могила», «Тоска по родине», «Чурова долина, или Сон наяву», «Громобой», Вершинной оперного творчества Верстовского, по общему мнению

современников композитора и наших современников, является «Аскольдова могила», в которой автор использовал, несомненно, народные мелодии.

Однако слава создателя первой русской оперы стала несколько меркнуть после триумфа «Жизни за царя» Михаила Ивановича Глинки. Особенно тяжело Верстовский переживал «измену» Одоевского, тонкого ценителя искусства, одного из ведущих музыкальных критиков. Долгие годы Владимир Федорович помогал ему советом и поддержкой, хвалил в печати. И вот теперь он назвал первой русской оперой «Жизнь за царя». С горечью и обидой писал Верстовский другу своей молодости:

«Я бы желал, чтобы ты выслушал финал третьего акта оперы «Аскольдова могила» — ты бы посовестился и уверился бы, что заря Русской Музыки оперной занялась в Москве, а не в Петербурге. Я первый обожатель прекрасного таланта Глинки, но не хочу и не могу уступить права первенства!»

Претензии на первенство были, заметим, безосновательны. В России и до Верстовского писали оперы — Дмитрий Бортнянский, Василий Пашкевич, Евстигней Фомин, братья Алексей и Сергей Титовы и другие. Это, так сказать, во временном плане. Если же говорить о мастерстве, то «Аскольдову могилу» вряд ли можно поставить в один ряд с «Жизнью за царя» («Иваном Сусаниным»).

На славу же Верстовскому, право, сетовать было грешно. Как утверждал позднее Александр Николаевич Серов, по популярности Верстовский даже обогнал Глинку. И это так. Романы его пролинали в самые различные слои русского общества. Арии, песни и хор девушек из «Аскольдовой могилы» распевались и в домах аристократов, и в захудалых поместьях, и в мешчанских «углах», и в крестьянских избах. Высокую оценку творчеству и театральной деятельности Алексея Николаевича (а он тридцать пять лет был режиссером Большого театра) дали Сергей Тимофеевич Аксаков, тот же Одоевский, Борис Владимирович Асафьев и многие, многие другие знатоки искусства.

Музыка Верстовского выдержала самое серьезное испытание — временем. И поныне в наших домах, у туристских костров звенит-разливается его «Колокольчик» («Вот мчится тройка удалая»), «Черную шаль», «Старого мужа», десятки других баллад, романсов, песни Торопки из «Аскольдовой могилы» исполняют на эстрадных подмостках народные артисты СССР. Сама опера нередко идет в столичных и периферийных театрах. Мы с благодарностью вспоминаем создателя этих прекрасных произведений. И к нашим воспоминаниям примешивается особая теплота: ведь композитор был добрым другом и соавтором Пушкина.